

КУЗМИН ВОЖАТЫЙ

Ardis

КУЗМИН

ВОЖАТЫЙ

Ардис

М. КУЗМИНЪ

ВОЖАТЫЙ

СТИХИ

КН-ВО ПРОМЕТЕЙ
Н. Н. МИХАЙЛОВА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 1918

Reprint by Ardis Publishers

1979

Ardis

2901 Heatherway

Ann Arbor, Michigan 48104

*Случится все, что предназначено,
Вожатый насъ ведетъ.*

М. К.

I. ПЛОДЪ ЗРѢЕТЪ.

1.

Мы въ слѣпотѣ какъ будто не знаемъ,
Какъ тотъ родникъ, что бьется въ насъ,—
Божественно неисчерпаемъ,
Свѣжѣй и нѣжнѣе каждый разъ.

Печалью взвившись, спадаетъ весельемъ...
Глубже и чище родной истокъ...
Вѣдь каждый день—душѣ новоселье,
И каждый часъ—свѣтлѣе чертогъ.

Изъ сердца пригоршней беру я радость,
Къ высокимъ брошу небесамъ
Безпечной бѣдности святую сладость
И все, что сдѣлалъ, любя, я самъ.

Все тоньше, тоньше въ эфирномъ горнилѣ
Синѣютъ тучи надъ купами рошъ,—
И вдругъ, какъ благодать, къ землѣ опустили
Любовь, и радугу, и дождь.

2.

Подъ вечеръ выйдь въ луга поемные,
На скошенную лягь траву...
Какія нѣжныя и томныя
Приходятъ мысли наяву!
Струятся небеса сіяніемъ,
Эфиръ мерцаетъ легкимъ сномъ,
Какъ передъ сладостнымъ свиданіемъ,
Когда ужъ видишь отчій домъ.
Все трепетнѣй, все благодарнѣе
Встрѣчаетъ сердце міръ простой,
И лай собакъ за сыроварнею,
И мость, и лугъ, и водопой.
Я вижу все: и садикъ съ вишнями,
И скатертью накрытый столъ,
А облако стезями вышними
Плыветъ, какъ радостный посоль.
Архангельскія оперенія
Лазурную узорять твердь.
Въ такомъ плѣнительномъ горѣніи
Легка и незамѣтна смерть.

Покинетъ птица клѣтку узкую,
Растаетъ тѣло... все забудь:
И милую природу русскую,
И милый тягостный твой путь.
Что мнѣ приснится, что вспоманется
Въ послѣднемъ блескѣ бытія?
На что душа моя оглянется,
Идя въ нездѣшніе края?
На что нибудь совсѣмъ домашнее,
Что и не вспомнишь вотъ теперь:
Прогулку по саду вчерашнюю,
Открытую на солнце дверь.
Вѣдь мысли сдѣлались летучими,
И правишь ими ужъ не ты,—
Угнаться ль волею за тучами,
Что смотреть съ синей высоты?
Но смерть-стрѣлокъ напрасно цѣлится,
Я странной обреченъ судьбѣ.
Что недѣлимо, то не дѣлится:
Я все живу... живу въ тебѣ!

1916. Іюнь.

3.

Господь, я вижу, я недостойнъ,
Я сердцемъ вѣрю, и вѣра крѣпка:
Когда нибудь буду я Божій воинъ,
Но такъ слаба покуда рука.
Твоя заря очамъ моимъ брезжить,
Твое дыханье свѣжить мнѣ ротъ,
Но свѣтъ Твой легкой такъ сладостно нѣжить,
Что сердце медлитъ летѣть впередъ.

Я умиляюсь и полемъ взрытымъ,
Ручьемъ дороги въ тѣни березъ,
И путникомъ дальнимъ, шлагбаумомъ открытымъ,
И запахомъ ржи, что вѣтеръ принесъ.
Еще я плачу, бессильно бѣдный,
Когда ребенка бьютъ по щекамъ,
Когда на просьбу о коркѣ хлѣбной
Слышатъ въ отвѣтъ сухое: „не дамъ!“

Меня тревожить вздохъ мятежный
(Отъ этихъ вздоховъ, Господь, спаси!),
Когда призывъ я слышу нѣжный.
То Моцарта, то Дебюсси.
Еще хочу забыть я о горѣ,
И загорается надеждою взоръ,
Когда я чувствую вѣтеръ съ моря
И грежу о тебѣ, Босфоръ!

Еще я ревную, мучусь, нѣмѣю
(Господь, мое счастье обереги!),
Еще я легкимъ тамъ быть не смѣю,
Гдѣ должны быть крылаты шаги.
Еще я вѣрю весеннимъ разливамъ,
Люблю левкой и красную мѣдь,
Еще мнѣ скучно быть справедливымъ,—
Великодушьемъ хочу горѣть.

1916.

Какая то лѣнь недѣли кроетъ,
 Замедляютъ заботы легкій мигъ,—
 Но сердце молится, сердце строить:
 Оно у насъ плотникъ, не гробовщикъ.
 Веселый плотникъ сколотитъ теремъ.
 Свѣтлый тесъ—не холодный гранитъ.
 Пускай намъ кажется, что мы не вѣримъ:
 Оно за насъ вѣритъ и насъ хранить.

Оно все торопится, бьется подъ спудомъ,
 А мы—будто мертвые: безъ мыслей, безъ сновъ...
 Но вдругъ проснемся предъ собственнымъ чудомъ:
 Вѣдь мы все спали, а теремъ готовъ.
 Но что это, Боже? Не бьется ль тише?
 Со страхомъ къ сердцу прижалась рука...
 Плотникъ, вѣдь ты не достроилъ крыши,
 Не посадилъ на нее конька!

1916.

5.

Не знаешь, какъ выразить нѣжность!
Что дѣлать: жалѣть, желать?
Покоя полна мятежность,
Исполнена трепета гладь.
Оттого обнимаемъ, цѣлуемъ,
Не отводимъ влюбленныхъ глазъ,
Не стремимся мы къ поцѣлуямъ,
Они лишь невнятный разговоръ
О томъ, что безбрежна нѣжность,
Что въ нѣжности безнадежность,
Древнѣйшая въ ней мятежность
И новая каждый разъ!

1915.

6.

Находитъ странное молчаніе
По временамъ на насъ,
Но въ немъ таится увѣнчаніе,
Спокойный счастья часъ.
Задумавшійся надъ ступенями,
Нашъ ангелъ смотритъ внизъ,
Гдѣ межъ деревьями осенними
Златистый дымъ повисъ.
Затѣмъ опять нашъ конь пришпоренный
Привѣтливо заржетъ
И по дорогѣ непроторенной
Насъ понесетъ впередъ.
Но не смущайся остановками,
Мой нѣжный, нѣжный другъ,
И объясненьями неловкими
Не нарушай нашъ кругъ.
Случится все, что предназначено,
Вожатый насъ ведетъ.
За тѣ часы, что здѣсь утрачены,
Небесный вкусимъ медъ.

1913.

7.

Какая бѣлизна и кроткій сонъ!
 Но силы спящихъ тихо прибываютъ,
 И золоченый, блѣдный небосклонъ
 Зари вуали розой закрываютъ.
 Въ мечтахъ такіе вечера бываютъ,
 Когда не знаешь: спишь или не спишь,
 И каплють медленно алмазы съ крышъ.

Смотря на солнца киноарный знакъ,
 Душою умиляешься убогой.
 О, въ этой бѣлой изъ бѣлѣйшихъ ракъ
 Уснуть, не волноваться бы тревогой!
 Почили... Путникъ, рѣчью насъ не трогай!
 Никто не скажетъ, живъ ли я, не живъ,—
 Такъ убѣдительно тотъ сонъ и лживъ.

Цѣлительный пушится легкій снѣгъ
 И, кровью нѣжною горя, алѣетъ,
 Но для побѣдъ, для новыхъ, лучшихъ нѣгъ
 Проснуться сердце медлитъ и не смѣетъ:
 Такъ терпѣливо лѣтомъ яблокъ спѣетъ,
 Пока багрянцемъ августъ не махнетъ,—
 И зрѣлымъ плодъ на землю упадетъ.

8.

Красное солнце въ окно ударило,
Солнце новолѣтнее...
На двѣнадцать мѣсяцевъ все состарѣлось...
Теперь незамѣтнѣе...
Какъ то не жалко и все равно,
Только смотришь, какъ солнце ударяетъ въ окно.

На полу квадраты янтарно-дынные
Ложатся такъ весело.
Какъ прошли, не помню, дни пустынные,
Что то ихъ занавѣсило.
Какъ недѣлю, прожилъ полсотню недѣль,
А сестры-пряжи все прядутъ кудель.

Скоро, пожалуй, пойду я дорогою...
Не избѣгнуть ея ни глупцы, ни гении...
На иконы смотрю не съ тревогою,
А сердце въ весеннемъ волненіи.
Ну что жъ? Заплачу, какъ тебя обниму,
Что есть въ сумѣ, съ тѣмъ и поѣду.

1916.

9.

Я вижу, въ дворовомъ окошкѣ
Склонилась къ ребенку мать,
А онъ раскинулъ ножки,
Хочетъ ихъ ртомъ поймать.
Какъ день ему будетъ дологъ,
Ночамъ—конца словно нѣтъ...
А годъ? это—дивный сколокъ
Будущихъ долгихъ лѣтъ.
Вотъ улыбнулся сонно
Съ прелестью милыхъ котятъ...
Вѣдь всякая мать—Мадонна,
И всякій ребенокъ святъ!
Потомъ настанутъ сурово
Труды, волненье и страсть,
И гдѣ найти тогда слово,
Что не дало бы упасть?

Мудры старики да дѣти,
Взрослымъ мудрости нѣтъ:
Одни еще будто въ свѣтъ,
Другіе ужъ видятъ свѣтъ.
Но въ сумрачномъ бездорожьи
Утѣшься: сквозь страстный плѣнь
Увидишь,—мы дѣти Божьи
У теплыхъ родныхъ колѣнь.

1915.

II. ВИНА ИГОЛКИ.

1.

Вина весенняго иголки
Я вновь принять душой готовъ,—
Вѣдь въ каждой лужицѣ—осколки
Стекляно алыхъ облаковъ.
На Императорской конюшнѣ
Заворковаль зобатый рой...
Какъ небо сдѣлалось воздушнѣй,
Какъ слаще вѣтерокъ сырой!
О дняхъ оплаканныхъ не плачьте,
Ласкайтесь новою мечтой,
Что скоро на высокой мачтѣ
Забьется вымпель золотой.
Ахъ, плаванья, моря, просторы,
Вечерній портъ и острова!
Забудемъ пасмурные взоры
И надобвшія слова!
Мы снова путники! согласны?
Мы пробудились ото сна!
Какъ чудеса твои прекрасны,
Кудесница любви, весна!

1916.

Еще нѣжнѣй, еще прелестнѣй
 Пропѣлъ Апрель: проснись, воскресни
 Отъ сонной, косной суеты!
 Сегодня снова вспомнишь ты
 Забытыя зимою пѣсни.

Горѣ сердца!—гудятъ, какъ пчелы,
 Колокола, и звонъ веселый
 Звучить для всѣхъ: „Христось' воскресъ!“
 —Воистину!—весенній лѣсъ
 Вздохнетъ, а съ нимъ поля и села.

Родникъ забилъ въ душѣ смущенной,—
 И радостный, и обновленный,
 Тебѣ, Господь, Твое отдамъ!
 И, вновь созданный Адамъ,
 Смотрю я въ солнце, умиленный.

1916.

3.

Такіе дни—счастливішія даты.
Послѣдній холодъ, первое тепло.
Смотрю не черезъ пыльное стекло:
Собаки лають, учатся солдаты.

Какъ хлопя закоптѣлой, бурой ваты,
Буграми снѣгъ, а съ крышъ давно стекло...
Но почему такъ празднично свѣтло?
Или весны не видѣлъ никогда ты?

Весну я знаю и любилъ немало,
Немало прошумѣло вешнихъ водъ,
Но сердце сонное не понимало.

Теперь во мнѣ проснулось все,—и вотъ
Впервые кровь бѣжитъ по сѣти венъ,
Впервые день весны благословенъ!

1916.

4.

Просохшая земля! Прижаться къ ней,
Безсолнечную смѣну мертвыхъ дней
Яснѣй позабывать и холоднѣй!

О, твердая земля, родная мать!
Научишь мудро, просто понимать.
Отвыкнетъ бѣдная душа хромать.

Какъ сладокъ духъ проснувшейся травы,
Какъ старые ручьи опять новы,
Какой покой съ высокой синевы!

Раскньтесь, руки, по землѣ крестомъ!
Подумать: въ этомъ мірѣ, въ мірѣ томъ
Спасемся мы Воскреснувшимъ Христомъ!

Кто грудь земли слезами оросилъ,
Кто мать свою о помощи просилъ,
Исполнится нестоимыхъ силъ.

1916.

5.

СОЛНЦЕ-БЫКЪ.

Какъ матадоры краснымъ глазъ щекочуть,
Ужъ роши кумачами замахали,
А солнце-быкъ на нихъ глядѣть не хочетъ:
Его глаза осенніе устали.

Онъ медленно ползеть на небо выше,
Рогамъ въ прудъ уставился онъ синій
И безразлично, какъ конекъ на крышѣ,
Глядитъ на бѣлый и неожиданный иней.

Теленкомъ скоро, сосункомъ онъ будетъ,
На зимней, чуть зелененькой лужайкѣ,
/ Пока къ яренью снова не разбудитъ
Апрѣльская рука весны-хозяйки.

1916.

6.

*L'ho perduta meschinella...
(Le nozze di Figaro. Mozart).*

Въ такую ночь, какъ паутина,
Всю сннь небснаго павлина
Заткали звѣздные пути.
На башнѣ полночь безъ пяти,
И спить росистая долина.

Курится круглая куртина.
Какъ сладко цѣпь любви нести,
Какъ сладко сѣть любви плести
Въ такую ночь!

Чуть-чуть приподнята гардина,
Звенить въ бесѣдкѣ мандолина...
О, пѣсни вздохъ, лети, лети!
Тебѣ булавки не найти,
О, маленькая Барберина,
Въ такую ночь!

1916.

7.

ЛѢТНІЙ САДЪ.

Н. А. Юдину.

Пропало славы обветшалої
Воспоминанье навсегда.
Скользнуть въ вѣкахъ звѣздою шалої
И наши годы, господа.
Гдѣ бабушкиныхъ робъ шуршанье,
Гдѣ мелкій дребезгъ нѣжныхъ шпоръ
И на глазахъ у всѣхъ свиданье,
Другимъ невнятный разговоръ?
Простой и медленной прогулкої
Въ саду ужъ не проходитъ царь,
Не гонить крѣпость пушкой гулкої
Всѣхъ франтовъ къ устрицамъ, какъ встарь.
Лишь у Крылова дремлютъ бонны,
Ребятчій вьется къ небу крикъ,
Да липы такъ же благовонны,
И дубъ попрежнему великъ.

Демократической толпою
Нарушенъ статуи странный сонъ,
Но небо свѣтитя весною,
А теплый вѣтеръ, тотъ же онъ!
Ты Самъ устроилъ такъ, о Боже,
Что сердце (такъ слабо оно)
Подъ пиджаками бьется то же,
Что подъ камзолами давно.
И весь проспектъ большой аллеи
Вымѣривая въ сотый разъ,
Вдругъ остановишься, краснѣя,
При выстрѣлѣ прохожихъ глазъ.
Но кто же знаетъ точный часъ
Для васъ, Амура-чародѣя,
Всегда неожиданныя затѣи?

1916.

КЪ ДЕБЮССИ.

Какая новая любовь и нѣжность
 Принесена съ серебряныхъ высотъ!
 Лазурная, святая безмятежность,
 Небесныхъ пчель медвяный, легкій сотъ!

Фонтанъ Верлена, лунная поляна
 И алость жертвенныхъ открытыхъ розъ,
 А въ нѣжныхъ, прерывающихся ріано
 Звенить полеть классическихъ стрекозъ.

Пусть говоритъ намъ о сіамскихъ дѣвахъ,
 Далекихъ странъ плѣняетъ красота,—
 Въ раздробленныхъ, чуть зыблемыхъ напѣвахъ
 Слышна твоя, о Моцартъ, простота.

И легкая, восторженная Муза,
 Готова нѣжно лепестки вѣнца,
 Стариннаго привѣтствуетъ француза
 И небывалой нѣжности творца!

9.

ЗИМА.

Близка студеная пора,
Вчера съ утра
Напудрилъ крыши первой иней.
Жирнѣй вода озябшихъ рѣкъ.
Повалить снѣгъ
Изъ тучи медленной и синеѣ.

Такъ мокрая луна видна
Намъ изъ окна,
Какъ будто небо стало ниже.
Охотникъ въ календарь глядитъ
И срокъ слѣдить,
Когда то обновить онъ лыжи.

Люби домашней торжество,
Намъ Рождество
Приносить прелесть дѣтской елки
По озеру визжать коньки,
А огоньки
На вѣткахъ—словно Божьи пчелки.

Весь долгій комнатный досугъ,
Мой милый другъ,
Развеселю я легкой лютней.
Настанетъ тихая зима:
Поля, дома—
Милѣй все будетъ и уютнѣй.

1916.

III. * * *

1.

Среди ночныхъ и долгихъ бдѣній
И въ ежедневной суетѣ
Невидимый и легкій геній
Сопутствуетъ моей мечтѣ.
Нежданную шепнетъ строку,
Пошлетъ улыбкой утѣшенье
И набожному простаку
Простѣйшее сулитъ рѣшенье.
И вотъ небѣдственны ужъ бѣды,
Печаль забыта навсегда,
И снятся новыя побѣды
Простого, Божьяго труда.
Я долго спутника искалъ
И вдругъ нашель на поворотѣ:
Въ поверхности любимыхъ зеркалъ
Его легко, мой другъ, найдете.
Печалень взоръ его лукавый,
Улыбокъ непонятна визъ,
Какъ будто недоволенъ славой,
Лишь къ славѣ горестной стремясь.

Вы такъ близки мнѣ, такъ родны,
Что кажетесь ужъ нелюбимы.
Навѣрно, такъ же холодны
Въ раю другъ къ другу серафимы.
Но спутникъ мой—одна правдивость,
И вотъ—пусты, какъ дымъ и тлѣнь,
И бесполезная ревнивость,
И бѣглый чадъ былыхъ измѣнь.
И вольно я вздыхаю вновь,
По дѣтски вижу совершенство:
Быть можетъ, это не любовь,
Но такъ похоже на блаженство!

1915.

2.

Озерный вѣтеръ пронзителенъ,
Дорога въ гору идетъ...
Такъ простъ и такъ умилителенъ
Накренившійся сѣрый ботъ.

Если ты въ путь готовишься,
Я знаю навѣрное: все жъ
На поворотѣ ты остановишься
И шляпой махнешь...

А все почему то кажется,
Что оба поѣдемъ вдвоемъ,
И въ часъ послѣдній окажется,
Что одинъ никто не отважится
Вернуться въ покинутый домъ.

1914.

3.

Что со мною? Я нѣмѣю.
Что сначала мнѣ воспѣть?
Царскосельскую аллею,
Гдѣ на западѣ, алѣя,
Темныхъ вѣтокъ встала сѣть?

Или пестраго подвала
Полуночные часы,
Гдѣ средь шумнаго развала
Тихо душу колдовала
Близость познанной красы?

Или сумракъ той гостиной,
Что на Мойкѣ, близъ Морской,
Гдѣ съ улыскою невинной
Сквозь кайму рѣсницы длинной
Взглядывали вы порой?

Иль пробора пепель темный
На подушкѣ у меня?
Взглядъ усталый, нѣжно томный,
На щекахъ огонь нескромный
Розой тлѣеть, взоръ маня...

Или сладость пробужденья
Близко милаго лица,
Умиленное волненье,
Холодокъ прикосновенья
Такъ знакомаго кольца?

Всѣ минуты, всѣ мгновенья—
Лишь одинъ блаженный часъ.
Ни тревоги, ни сомнѣнья...
Вѣчное благодаренье
Небу милому за васъ!

1913.

4.

Вдали поеть валторна
Заигранный мотивъ,
Такъ странно и глетворно
Мечтанья пробудивъ.

И какъ то лѣнь разрушить
Безхитростную сѣть:
Гулять бы, пить, да слушать,
Въ глаза твои глядѣть.

И знаешь вѣдь отлично,
Что это все—пустякъ,
Да вальсикъ неприличный
Не отогнать никакъ.

И тошень, и отраденъ
Назойливый рожокъ...
Что пригоршнею градинъ,
Онъ сердце мнѣ обжегъ.

Невзрачное похмелье...
Да развѣ онъ про то?
Какое то веселье
Поеть онъ „тро-то-то“.

Поеть, поеть, вздыхаетъ,
Фальшивить, чуть дыша.
Про что поеть, не знаетъ...
Не знай и ты, душа!

1915.

5.

Душа, я горемъ не терзаемъ,
Но плачу, вѣтреная странница.
Все продаемъ мы, всѣмъ должасмъ,
Скоро у насъ ничего не останется.

Конечно, есть и Богъ, и небо,
И воображеніе, которсе не лѣнится,
Но когда сидишь почти безъ хлѣба,
Становишься, какъ смѣшная плѣнница.

Муза вскочить, про любовь расскажетъ
(Она вѣдь глупенькая, дурочка),
Но взглянешь, какъ веревкой вяжетъ
Послѣдній тюкъ нашъ милый Юрочка,—

И остановишься. Отрада
Минутная, страданье мелкое,
Но, Боже мой, кому это надо,
Чтобы вертѣлся, какъ бѣлка я?

1917. Июнь.

6.

Всѣ дни у Бога хороши,
Всѣ дни—одно благословеніе,
Но въ бѣдной памяти души—
Немногіе, какъ воскресеніе.
И знаете: они не тѣ,
Когда я ждалъ, и волновался,
И торопливо въ темнотѣ
Губами вашихъ губъ касался.
Они не тѣ, когда такъ зло,
Упрямо вѣря, я не вѣрилъ.
Все это былою поросло,
И, можетъ быть, я лицемерилъ.
Мнѣ помнятся другіе дни
(Они такъ сладостны и жалки)...
Въ гостиницѣ глаза одни,
Какъ вылинявшія фіалки...
И вдругъ узнали, удивясь,
Что вотъ теперь ужъ въ самомъ дѣлѣ!...
Что выросла такая связь,
Какой, быть можетъ, не хотѣли.

Потомъ клонило васъ ко сну,
Въ тревогѣ дѣтской вы дремали
И вдругъ: „Отправятъ на войну
Меня!“—такъ горестно сказали.
Кому тамъ нужны на войнѣ
Такія розовыя губы?
Не для того ли, чтобъ вдвойнѣ
Бои намъ показались грубы?
А тотъ, для васъ счастливый, день,
Такой недавній день, въ который
Чужой любви смѣшалась тѣнь
Съ тяжелымъ мракомъ желтой шторы...
Опять, опять, какъ въ первый разъ,
Признанья ваши и томленье,—
И вотъ смущенный вашъ рассказъ
Отвелъ послѣднія сомнѣнья.
Затворникъ я, вы—легкій конь,
Что ржетъ и прядаетъ въ весельи,
Но кратокъ вѣтреныи огонь,
И станетъ конь у той же кельи.
А ваша школьничья тетрадь?
Заплакать можно, такъ все ново,—
И понялъ я, что вотъ—страдать
И значить полюбить другого.

1915.

IV. РУССКІЙ РАЙ.

1.

Все тотъ же сонъ, живой и давній,
Стоить и не отходить прочь:
Окно закрыто плотной ставней,
За ставней—стынущая ночь.
Трещать углы, тепла лежанка,
Вдали пролаетъ сонный песь...
Я всталъ сегодня спозаранку
И мирно мирный день пронесъ.
Беззлобный день такъ свято дологъ!
Все—кроткій блескъ, и снѣгъ, и ширь!
Читать тутъ можно только Прологъ
Или Давыдову Псалтирь.
И зной печной въ каморкѣ бѣлой,
И звонъ ночной издалека,
И при лампадкѣ нагорѣлой
Такая бѣлая рука!
Размариваетъ и покоить,
Любовь цвѣтетъ проста, пышна,
А вьюга въ полѣ люто воетъ,
Вьюны сажая у окна.

Занесена пургой пушистой,
Живи, любовь, не умирай:
Насталъ для насъ огнисто-льdistый,
Морозно-жаркій, русскій рай!
Ахъ, только бѣ снѣгъ, да взоръ любимый,
Да краски нѣжныя иконъ!
Желанный, неискоренимый,
Души моей давнишній сонъ!

1915. Августъ.

2.

А. С. Рославлеву.

Я знаю васъ не по наслышкѣ,
О, верхней Волги города!
Кремлей чешуйчатая вышка,
Мнѣ не забыть васъ никогда!
И знаю я, какъ ночи долги,
Какъ яръ и кратокъ зимній день,—
Я самъ родился вѣдь на Волгѣ,
Гдѣ съ удалю сдружилась лѣнь,
Гдѣ изстари благочестивы
И смѣтливы, гдѣ говоръ крутъ,
Гдѣ весело сбѣгають нивы
Къ рѣкѣ, гдѣ молятся и врутъ,
Гдѣ Ярославль горить, что въ митрѣ
У патріарха аль рубинѣ,
Гдѣ росъ царевичъ нашъ Димитрій,
Зарозовѣвшій кровью кринѣ,
Гдѣ все привольно, все степенно,
Гдѣ все сіяетъ, все цвѣтетъ,
Гдѣ Волга медленно и пѣнно
Къ морямъ далекимъ путь ведетъ.

Я знаю бѣгъ саней ковровыхъ
И розы щекъ на холоду,
Морозовъ царственно-суровыхъ
Въ другомъ краю я не найду.
Я знаю звонъ великопостный,
Въ бору далекомъ малый скитъ, —
И въ жизни сладостной и косной
Какой то таинный есть магнитъ.
Я помню запахъ грядъ малинныхъ
И горницъ праздничныхъ уютъ,
Напѣвы службъ умильно-длинныхъ
До сей поры въ душѣ поютъ.
Не знаю, правъ ли я, не правъ ли,
Не по указкѣ я люблю.
За то, что выросъ въ Ярославль,
Свою судьбу благословлю!

1916. Январь.

3.

ЦАРЕВИЧЪ ДИМИТРІЙ.

Давно ужъ жаворонки прилетѣли,
Вернулись въ гнѣзда громкіе грачи,
Поскрипываютъ весело качели,
Еще не знойны майскіе лучи.
О май-волшебникъ, какъ глаза ты застишь
Слезюю радостной, какъ лѣтомъ тѣнь!
Какъ хорошо: свѣтло, всѣ окна настезь,
Подъ ними темная еще сирень!
Ахъ, пробѣжаться бы за квасомъ въ ледникъ,
Черемуху у кухни оборвать!
Но ты—царевичъ, царскій ты наслѣдникъ:
Тебѣ негоже козликомъ скакать.
Ты медленно по садику гуляешь
И, кажется, самой травы не мнешь.
Глядишь на облако, не замѣчаешь,
Что на тебя направлень чей то ножъ.
Далекій звонъ сомнѣнья сладко лѣчить:
Здѣсь не Москва, здѣсь тихо и легко...
Орѣшки сжалъ, гадаешь: четъ иль нечетъ,
А жаворонки вьются высоко.

Твое лицо болѣзненно опухло,
Темно горитъ еще безстрастный взглядъ,
Какъ будто въ немъ не навсегда потухло
Мерцанье заалтарное лампады.
Что милому царевичу враждебно?
На беззащитнаго кто строить ковь?
Зачѣмъ же руки складывать молебно,
Какъ будто ты ударъ принять готовъ?
Закинулъ горло дѣтское невинно
И, ожерельемъ хвастаясь, не ждешь,
Что скоро шею грозно и рубинно
Другое ожерелье обовѣсть.
Завыли мамки, вопль и плачь царицы...
Звучить немолчно въ заревѣ набать,
А на травѣ—въ кровавой багряницѣ
Царя Θεодора убитый братъ.
Въ зарѣ горитъ грядущихъ грозъ багрянецъ,
Мятежъ и мракъ, невнятные слова,
И чудится далекій самозванецъ
И плѣнная, растлѣнная Москва!
Но ты, нашъ мученикъ, ты святъ навѣки,
Всю злобу и всѣ козни одолѣвъ.
Тебя слѣпцы прославятъ и калѣки,
Сложивъ тебѣ безхитростный напѣвъ.
Такъ тихъ твой ликъ, тиха святая рака,
И тише сталъ Архангельскій Соборъ,
А изъ кровавой старины и мрака
Намъ свѣтитъ твой дѣтскій, свѣтлый взоръ.
Пусть говоритъ заносчивый историкъ,
Что не царевичъ въ Угличѣ убитъ,
Все такъ же жребій твой, высокъ и горекъ,
Димитрій-отрокъ, въ небесахъ горитъ.

О, вешній цвѣтъ, на всѣхъ путяхъ ты нуженъ,
И въ мирный, и въ тревожный, смутный мигъ!
Вѣдь каждая изъ маленькихъ жемчужишь
Твоихъ дороже толстыхъ, мертвыхъ книгъ.
О убиенный, Ангелъ легкокрылый!
Ты справишься съ разрухой и бѣдой
И въ нашей жизни, тусклой и унылой,
Засвѣтишь тихой утренней звѣздой.

1916. Февраль.

4.

ПСКОВСКОЙ АВГУСТЪ.

Ю. П. Анненкову.

Веселушки и плакушки
Мостъ копытять козами,
А зарѣчныя макушки
Леденцѣютъ розами.
По пестро-рябымъ озерцамъ
Гребенцы наверхены.
Бѣлымъ, чернымъ, сѣрымъ перцемъ
Лодочки наперчены.
Мельницъ мелево у кручи
Сухоруко машется.
На березы каплетъ съ тучи
Янтарева кашица.
Надорвась, вечерня, шмелемъ,
Взвякиваетъ узенько.
Бѣлки снѣдки мелко мелемъ,—
Тпруси, тпруси, тпрусенька.
Завинти, вѣтрило, шпонтикъ,—
Чтонибудь получится!
Всколесила желтый зонтикъ
На балконъ поручица!

1917. Августъ.

5.

ХЛЫСТОВСКАЯ.

О кликай, сердце, кликай!
Воздвигни къ небу кличъ!
Вельможный день, великій
Тѣмъ кличемъ возвеличь!

Струи на струны руки,
Ударь, ударь, ударь!
Вернется изъ разлуки
Нашъ Горній Господарь!

И горница готова,
Предубранный Сіонъ,
Незнаемое слово
Вернетъ на землю Онъ.

Дождусь ли, о, дождусь ли
Тебя изъ дальнихъ странъ?
Звончѣй звените, гусли!
Урчи громчѣй, тимпанъ!

Ой, духъ! Ой, царь! Ой, душе!
Сойди въ корабль скорѣй!
Прожги до дна намъ души
И рѣй, родимый, рѣй!

Крылами пышно машеть
И дышетъ надо мной.
Въ поту намъ пашню пашеть
Хозяинъ Неземной.

Вздымай воскрыля крылецъ,
Маши, паши, дыши!
Геенскій огонь, Кормилецъ,
Огнемъ намъ утиши!

1916.

V. ВИДѢНЬЯ.

1.

Видѣнье мной овладѣло:
О золотомъ птицеловѣ,
О пернатой стрѣлѣ изъ трости,
О томной загробной рошѣ.
Каждый кусочекъ тѣла,
Каждая капля крови,
Каждая крошка кости—
Милѣй, чѣмъ святыя мощи!

Пусть я всегда проклинаемъ,
Кляните, люди, кляните,
Тушите костеръ кострами,—
Льду не сковать водопада.
Вѣдь мы ничего не знаемъ,
Какъ тянутся эти нити
Изъ сердца къ сердцу сами...
Не знаемъ, и знать не надо!

1916.

2.

Сѣрая рѣетъ птица,
Странной мечты дочь...
Сонъ все одинъ мнѣ снится
Третью почти ночь...
Вижу: идемъ лугами,
Темный внизу логъ,
Синяя мгла надъ нами,
Гдѣ то поетъ рогъ...
Такъ незнакомы дали,
Красный растеть макъ,
Оба въ пути устали,
Густо застыль мракъ...
Глухо рожокъ играетъ...
Кто то упаль вдругъ!
Кто изъ насъ умираеть:
Я или ты, другъ?

Насъ, о Боже, Боже,
Дланью Своей тронь!
Вдругъ, на корабль похожій,
Бѣлый взлетѣлъ конь...
Вѣрю: дано спасенье!
Сердце, восторгъ шпорь!
Сладостное смятенье,
Сердцу успокоенье,
Праздникомъ вознесенья
Трелить свирѣль зорь!

1916.

3.

КОЛДОВСТВО.

Въ игольчатомъ сверканьи
Занѣженныхъ зеркаль—
Нездѣшнее исканье
И демонскій оскаль.
Горять, горять иголки,—
Ударъ стекляныхъ шпагъ,—
Въ клубахъ нечистой смолки
Прямится обликъ нагъ.
Еще, еще усилъе,—
Плотнится пыльный прахъ,
А въ жилахъ, въ сухожильяхъ
Течеть сладѣлый страхъ.
Спинѣ—морозъ и мокро,
Въ мозгу пустой кувиркъ.
Безстыдный черный отрокъ
Плясавить странный циркъ.

Отплата за обиды,
Желанье—все въ одно.
Душокъ асса-фетиды
Летучить за окно.
Размѣренная рама
Рѣшетить синеву...
Луна кругло и прямо
Упала на траву.

1917. Май.

4.

ПЕЙЗАЖЪ ГОГЭНА.

К. А. Большакову.

Красень кровавыи ротъ...
Темень тѣнистый бродъ...
Ядомъ червлсны ягоды...
У позабытой пагоды
Руки къ небу, уродь!..

Ярокъ дальній припекъ...
Гладокъ карій конекъ...
Звонко стучить копытами,
Ступая тропами изрытыми,
Гдѣ водоюй протекъ.

Ивою связанъ плотъ,
Низко златится плодь...
Между лѣсами и селами
Веслами грестъ веселыми
Въ область больныхъ болотъ!

Видишь: трещить костерь?
Видишь: топоръ остерь?
Встрѣть же тугими косами,
Спѣлыми абрикосами,
О, сестра изъ сестерь!

1916.

5.

РИМСКИЙ ОТРЫВОКЪ.

Осторожный по болоту дозоръ...
на мху черные копыть слѣды...
за далекой плотиной
конь ржетъ тонко и ретиво...
сладкой волной съ противо-
положныхъ горъ
мѣшается съ тиной
духъ резеды.

Запахъ конской мочи...
(недавняя стоянка враговъ).
разлапая медвѣдицы семерка
тускло мерцаетъ долу.
Сонно копошенье полу-
голодныхъ солдатъ. Мечи
блещутъ странно и зорко
у торфяныхъ костровъ.

Завтра, навѣрно, бой...
Смутно ползеть во снѣ:
стрѣлы отточены остро,
остра у конниковъ пика.
Увижу ли, Нико-
мидія, тебя, городъ родной?
выйдутъ ли мать и сестры
навстрѣчу ко мнѣ?

Въ дрему валюсь, словно пескомъ засыпанъ въ пустынь.
Небо не такъ сине, какъ глаза твои, Октавія, сини!

1917. Іюнь.

6.

ВРАЖДЕБНОЕ МОРЕ.

О Д А.

В. В. Маяковскому.

Чей мертвящій, помертвѣлый ликъ
въ косматыхъ горбахъ изъ плоскойъ вздыбившихся
сѣдины

вижу?

Горгона, Горгона,
смерти дѣва,

ты движенья на днѣ безцѣльнаго водъ жива!

Посинѣлый языкъ
изъ пустой глубины
лижетъ, лижетъ

(всплески—трепетъ, топотъ плечъ утопленниковъ!)
лижетъ слова

на столбахъ опрокинутого, потонувшего,
почти уже безымяннаго трона.

Безформенной призракъ свободы,

болотно лживый, какъ бѣлоглазые люди,
ты раздѣляешь народы,
бормоча о несбывшемъ чудѣ.
И вотъ,
какъ ристалищный конь,
ринешься взрывомъ водъ,
взъяришься, храпишь, мечешь
мокрый огонь
на бѣлое небо, рушась и руша,
сверлиvoi воронкой буравя
свои же нѣдра!

Оттуда несется глухо,
вѣтра глуше:
— Корабельщики-братья, взроемъ
хмурое брюхо,
гдѣ урчить прибой и отбой!
Разсбьемъ замкнутый замокъ!
Проклятыя героямъ,
изобрѣтшимъ для мяса и самокъ
первый подъ солнцемъ бой!

Плачетъ все хмурѣй:
— Менелай, о Менелай!
не знать бы тебѣ Елены,
рыжей жены!

(Слышишь неистовыхъ фурий
неумолимо охрипшій лай?)

Все равно Парисъ бѣлоногий
грядущія всѣ тревоги
вонзятъ тебѣ въ сердце: плѣны,
деревни, что сожжены,

трупы, что въ полѣ забыты,
юношей, что убиты,—
несчастный царь, неси
на порфирныхъ своихъ плечахъ!

На красныхъ мечахъ
раскинулась опочивальня!..
Въ Еленѣ—всѣ женщины: въ ней
Леда, Даная и Пенелопа,
словно любви наковальня
въ одну сковала тѣмъ пламениѣй и нѣжниѣй.

Ждетъ.

Раззолотили подушку косы...

(Братья,
впервые)

— Париса руку чуетъ уже у точеной выи...

(впервые

Азія и Европа

встрѣтились въ этомъ объятии!!)

Подымается мѣрно животь,

круглый, какъ небо!

Губы, сосцы и ногти чуть розовѣютъ...

Прилети сейчасъ осы,—

въ смятеньи завьются: гдѣ бы

лучше найти амброзію пищу,

которая меда достойнаго дать не смѣетъ?

Входитъ Парисъ - ратоборець,

бѣлыя ноги блестятъ,

взглядъ —

азіатскія сумерки круглыхъ, что груди, холмовъ.

Елена подьемлетъ темныя вѣки...

(Навѣки

мигъ этотъ будетъ, какъ вѣчность, дологъ!)

Задернуть затканый пологъ...

(Первая встрѣча! Первый бой!

Азія и Европа! Европа и Азія!!

И тяжелая отъ мяса фантазія

медленно, какъ пищевареніе, грезить о вѣч-
ной народовъ битвѣ,

рыжая жена Менелая, тобой,

царевичъ троянскій, тобой

уязвленная!

Какія легкія утромъ молитвы

сдернуть призрачный сонъ,

и всѣ увидятъ, что встрѣча вселенной

не ковремъ пестра,

не какъ мечъ остра,

а лежать, красотой утомленные,

братъ и сестра,

дѣтски обнявъ другъ друга?)

Испуга

несужнаго вѣчная мать.

ты научила проливать

кровь брата

на сѣверномъ, плоскомъ камнѣ.

Ты—далека и близка мнѣ,

ненавистная, какъ древняя совѣсть,

дикая повѣсть

о неистово-дѣвственной дѣвѣ..

Дуй, вѣтеръ! Вѣй, рѣй

до пустынь безлюдныхъ Гипербореевъ.

Служанка буйнаго гешя,
жрица Діанина гнѣва,
вѣщая дѣва,
ты, Ифигенія,
наточила кремневый ножъ,
красною тряпкой отерла,
среди криковъ
и барабаннаго воя скивоовъ
братское герло
закинула

(Братское, братское, помни!

Діана, ты видишь, легко мнѣ!)

и вдругъ,
какъ странный недугъ,
мужественныхъ душъ услада
подъ ножемъ родилась

(Гибни, отцовскій домъ,

плачьте, вдовыя дѣвы, руки ломая!

Безплодная роза нездѣшняго Мая,

безуханный, пылай, Содомъ!)

сквозь кровь,
чрезъ вѣка незабытая,
любовь
Ореста и его Пилада!
Море, марево, мать,
сама себя жрущая,
что отъ заемнаго блеска мѣсяца
маткой больною бѣсится,
полно тебѣ терзать
бѣдныхъ дѣтей,
· бесполезность рваныхъ сѣтей
и сплетенье бездонной рвани

называя геройством!
Воинственной дѣвы безличье,
зовущее
къ призрачной брани...
но кровь настоящая
льется въ пустое геройство!
Геройство!
А стоны то?
А вопли то?
Прѣклято, прѣклято!
Точило холодное жметъ
живой виноградъ,
жнища безцѣльная жнетъ
за рядомъ рядъ.
И поблѣднѣвшій отъ жатвы ущербный серпъ
валится
въ бездну, которую безумный Ксерксъ
велѣлъ бичами высѣчь
(цѣпи—плохая подпруга)
и увидя которую десять тысячъ
оборванныхъ грековъ, обнимая другъ друга,
крича, заплакали: „θάλασσα!“

1917. Апрель.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Плодъ зрѣеть.

1. Мы въ слѣпотѣ какъ будто не знаемъ. . .	11
2. Подъ вечеръ выйди въ луга поемные . . .	12
3. Господь, я вижу, я недостоинъ	14
4. Какая то лѣнь недѣли крестъ.	16
5. Не знаешь, какъ выразить нѣжность! . . .	17
6. Находить странное молчаніе	18
7. Какая бѣлизна и кроткій сонъ!	19
8. Красное солнце въ окно ударило	20
9. Я вижу, въ дворовомъ окошкѣ.	21

II. Вина иголки.

1. Вина весенняго иголки	25
2. Еще нѣжнѣй, еще прелестнѣй.	26
3. Такіе дни—счастливейшія даты	27
4. Просохшая земля!	28
5. Солнце-быкъ.	29
6. Въ такую ночь.	30
7. Лѣтній садъ	31
8. Къ Дебюсси	33
9. Зима	34

III. *~*

1. Среди ночныхъ и долгихъ бдѣній	39
2. Озерный вѣтеръ пронзителенъ	41
3. Что со мною? Я нѣмью.	42
4. Вдали поетъ валторна	44
5. Душа, я горемъ не терзаемъ	46
6. Всѣ дни у Бога хороши	47

IV. Русскій рай.

1. Все тотъ же сонъ	51
2. Я знаю васъ не по наслышкѣ.	53
3. Царевичъ Димитрій	55
4. Псковской августъ.	58
5. Хлыстовская	59

V. Видѣнья.

1. Видѣнье мной овладѣло.	63
2. Сѣрая рѣветъ птица.	64
3. Колдовство.	66
4. Пейзажъ Гогэна	68
5. Римскій отрывокъ	69
6. Враждебное море.	71

КАТАЛОГЪ КН-ВА „ПРОМЕТЕЙ“.

С.-Петербургъ, Поварской, 10.

АНДРЕЕВЪ, ЛЕОНИДЪ. Океанъ. Рисунки и обложка художника Б. Анисфельда	2	р.	25	к.
ЛЕМОНЬЕ, К. Когда я былъ мужчиной. Съ предисловіемъ А. И. Куприна	3	„	25	„
ОКУНЕВЪ, Я. Каменное иго	3	„	—	„
ОЛИГЕРЪ, Н. Гость. Повѣсти и рассказы	3	„	—	„
„ПРОМЕТЕЙ“. Литературно - художе- ственный сборникъ	2	„	50	„
РУДИЧЪ, ВЪРА. Ступени. Изд. 3-е.	1	„	25	„
СЪВЕРОВА, Н. Къ идеаламъ. Повѣсть съ иллюстраціями Ильи Рѣпина	3	„	—	„
ТЫРКОВА, АРІАДНА. Ночью. Романъ	3	„	—	„
— Семь рассказовъ	3	„	—	„
<hr/>				
АХМАТОВА АННА. Четки	10	„	—	„
— Бѣлая стая.	11	„	—	„
ГУМИЛЕВЪ, Н. Романтическіе цвѣты.	5	„	50	„
— Жемчуга	6	„	50	„
— Чужое небо.				
— Колчанъ.				
КУЗМИНЪ, М. Чаша.				
— Плѣнь.				
— Ракеты.				
— Вожатый.				
— Александрійскія пѣсни.				

- А. Ахматова, БЕЛАЯ СТАЯ (1979)
А. Ахматова, АННО ДОМИНИ (1977)
А. Ахматова, ПОДОРОЖНИК (1977)
А. Белый, СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ (1979)
М. Булгаков, ДЬЯВОЛИАДА (1977)
К. Вагинов, КОНСТАНТИН ВАГИНОВ (1978)
Гайто Газданов, ВЕЧЕР У КЛЭР (1979)
Н. Гумилев, ОГНЕННЫЙ СТОЛП (1976)
Н. Гумилев, К СИНЕЙ ЗВЕЗДЕ (1979)
Н. Гумилев, КОСТЕР (1979)
Е. Замятин, НЕЧЕСТИВЫЕ РАССКАЗЫ (1978)
Е. Замятин, ОСТРОВИТАНЕ (1979)
М. Кузмин, КРЫЛЬЯ (1979)
М. Кузмин, ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД (1978)
О. Мандельштам, ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА (1976)
О. Мандельштам, КАМЕНЬ (1971)
Ю. Олеша, ЗАВИСТЬ. Рис. Альтмана (1977)
А. Пушкин, ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ (1978)
Ф. Сологуб, МЕЛКИЙ БЕС (1979)
СТРЕЛЕЦ, № 1 (1978)
В. Хлебников, ЗАНГЕЗИ (1978)
В. Ходасевич, ПУТЕМ ЗЕРНА (1979)
В. Ходасевич, ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА (1976)
В. Ходасевич, ИЗ ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ (1979)
В. Ходасевич, СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРЕ (1979)
П. Чаадаев, ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА (1978)
Н. Эрдман, САМОУБИЙЦА (1979)
- Л. Е. Белозерская-Булгакова, О, МЕД ВОСПОМИНАНИЯ. (Годы с Булгаковым). (1979)
АННА АХМАТОВА: Стихи, переписка, воспоминания, иконография (1977)
И. Бабель, ЗАБЫТЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (1979)
Л. Шестов, НАЧАЛА И КОНЦЫ (1978)
З. Гиппиус, ПИСЬМА К БЕРБЕРОВОЙ И ХОДАСЕВИЧУ (1979)
ЦЕХ ПОЭТОВ, 1 (1978)
М. Цветаева, ПРОЗА (1979)